

Дмитрий ВОРОНИН*пос. Тишино**Калининградской области***Жил-был
художник один...**

Ах, этот волшебный Тбилиси, великолепный Тбилисо! Потрясающие сациви и сугуни, чахохбили и хачапури, хинкали и чанахи! А вина — «Хванчкара», «Цинандали», «Киндзмараули», «Мукузани»! Ах, этот Вахтанг со своей песенкой «Чито-Гврито»: «Чито-гри-то, чито маргарито, да...»

Дмитрий Петрович с женой Наденькой просто обалдели от красот чудесного города. Гуляли по запутанным улочкам Авлабари, заглядывали в сказочные дворики Старого Тбилиси, наполненные ароматами местной кухни и громкими голосами старожилов, удивлялись необычным строениям Мтацминды, смеялись радостно всякий раз, когда встречали на пути что-то неожиданное.

А неожиданностей попадалось предостаточно. Старуха торговка, завернутая с ног до головы в чёрные шали, предлагала купить любую из них: «Э, дорогой, подарки своей женщине платок. Смотри, заморзла совсэм! Из лучшей овцы сделан, самую лохматую стрыглы. На сэвэре грэть, как пэчка, станэт. Ты с сэвэра?» Подвыпивший велосипедист горланил на весь квартал «Тбилисо» и не давал обогнать себя целой веренице машин. Постовой увещевал лохматого пса, пытающегося ухватить его за штанину: «Слушай, дорогой, отстан, а? Совсэм задрал, а? Гдэ твой совэст?» Комбинации, бюстгальтеры огромного размера и цветные семейные трусы гордо реяли на верёвках, которые были натянуты над улицей между домами.

— Просто замечательно! — цокал языком Дмитрий Петрович и поднимал вверх фотоаппарат.

— Просто сказочно! — жмурилась от удовольствия Наденька, выщёлкивая на камеру телефона грузинских кошек.

— Просто невероятно!

— Просто чудо чудесное! Вот только куколки для моей коллекции не хватает, и тогда уж точно полная Нирвана, — кивнула в сторону очередной сувенирной лавки Наденька.

— Стоп! — пресёк её попытку супруг. — Мы же договорились: покупаем только редкие вещи и только на блошином рынке.

— Ну так пошли уже на этот чёртов рынок, — капризно надула губы Наденька. — Сколько можно меня мариновать, измучилась совсем!

Третий день в Грузии, а я всё ещё без куклы! Время пролетит — не заметишь.

Муж успокаивал:

— Надюша, потерпи до завтра. Ты же знаешь, пойдём — там надолго и пропадём. Сегодня город досмотрим, хинкали съедим, саперави выпьем, на оперу сходим. А завтра с утра пораньше и окунёмся в волшебный мир блох. Ты — кукол искать, я — картины высматривать. У нас четыре дня ещё впереди, хватит.

Дмитрий Петрович собирал картины, а Наденька — куколок. По возможности супруги старались пополнять свои коллекции уникальными экземплярами, но всё больше случались бесполезные покупки, которые потом расходились по друзьям и знакомым. Деньги для коллекционных приобретений у них появлялись один-два раза в год, и радость от удач держалась долго-долго.

Наутро блошинный рынок Тбилиси встретил новых покупателей тепло и весело, как давних знакомых, и моментально погрузил в круговорот своей жизни. Ароматы кофе и пряных булочек наполняли всё пространство барахолки от Сухого моста до Саарбрюкенского, перекинутого через Куру.

Торговля велась по большей части прямо с земли. Всюду лежали покрывала и простыни, картон и байковые одеяла, газеты и даже ковры, на которых порой в полнейшем беспорядке валялась разная всячина — от поношенной обуви до виниловых пластинок. Тут можно было найти и истрепанные старые книги, и советскую бижутерию, и детские игрушки, и русские самовары, и напольные часы с патефонами, и саквояжи с фотоаппаратами. И только на облупленных столиках, раскладушках и самодельных прилавках товар выглядел упорядоченно: кинжалы и ножи — отдельно, значки и медали, марки и открытки — тоже. Глаза покупателей исполняли половецкие пляски, пытались отыскать в этом хаосе необходимую вещь.

Вытанцовывали глаза и у Дмитрия Петровича. Выплясывали до тех пор, пока не наткнулись на прислонённую к чемодану картину какого-то местного художника. Работа была любительская, очень небрежная и скорее всего недописанная, тем не менее она привлекла к себе

внимание. По всей видимости, художник изобразил на холсте сельский пейзаж, хотя Дмитрий Петрович мог и ошибиться. На переднем плане особо выделялись тёмно-зелёные пятна то ли многочисленных кустов, то ли деревьев, но полной уверенности в этом не было. Прорисовка была нечёткая, совершенно размытая. Деревья могли оказаться и чем-то другим. В центре картины просматривалось подобие водоёма, но и тут могло не сложиться: при определённом положении картины водоём превращался в пашню или огород. На заднем плане угадывались сельские домики, за которыми синели горы, а может быть, и само небо.

— Что скажэш? Правда, красыва? Тэбэ нравитса? — неожиданно прозвучало рядом.

Дмитрий Петрович обернулся на голос. Возле него стоял типичный грузин, невысокий, усатый, с классической кепкой-аэродромом на голове, он с любовью смотрел на произведение искусства.

— Замечательный живопись! Позапрошлый вэк, конец девятнадцатого, старина ещё при царе. Второй Пырсомани! Выжу по твоим глазам, понравился. Покупай. Тэбе, знатоку, бонус.

— А что за художник этот ваш второй Пирсомани? — от любопытства даже прищурился Дмитрий Петрович.

— Вай, ты нэ знаешь? — удивлённо приподнял густые брови грузин. — Это ж Вано Вэпхвадзе! Точно нэ знаешь?

— Нет, — честно сказал посетитель.

— Вах, ви слыхали, он нэ знает Вано Вэпхвадзе! — повернулся продавец к соседям, и те укоризненно закивали. — Может, ты и Ван Гога нэ знаешь, и Кустодиева с русскими красавицами?

— Ван Гога знаю, Кустодиева тоже, — уточнил Дмитрий Петрович.

— Вот видишь, Ван Гога знаешь, Кустодиева тоже, а Вано Вэпхвадзе — нэт. Это нэсправэдливо, слюшай! Давай, купи картыну, дома на стэну повесишь, будешь знат, кто такой Вано, будешь гостям показывать, мнэ спасыбо говорить.

— Сколько стоит? — на всякий случай решил узнать Дмитрий Петрович.

— Какой молодэц, всё понимает. Тэбе, как

ценителю, за пятьсот лари отдам, совсем бэсплатно! — махнул ладонью грузин.

— Пятьсот?! — изумлённо уставился на него Дмитрий Петрович.

— Что? Многа? — развёл руками продавец. — Я тэбе даром её отдаю, а ты глаза на мэня вылупил! Время мое тратишь. Иды отсюда, может, гдэ дешевле великого Вэпхвадзе купишь, — возмутился хозяин картины и обиженно отвернулся от потенциального покупателя.

Дмитрий Петрович от удивления пожал плечами и продолжил обследовать рынок. Часа два супружеская пара внимательно изучала развал, с наслаждением втягивая носами запаха ушедшего времени. От каждой вещи исходил свой неповторимый аромат — дух истории.

Наденьке удалось пополнить свою коллекцию прелестной французской фарфоровой куколкой первой половины двадцатого века, а Дмитрий Петрович удачно сторговал у старой женщины, плохо говорившей по-русски, любопытный натюрморт с изображением абрикосов, рассыпанных по столу вокруг бокала с красным вином. Написан он был лет пятьдесят назад на фанерной крышке от посылочного ящика.

Довольные собой и покупками, супруги собрались идти в гостиницу.

— Э, слюшай, зачем мимо идёшь, на картину совсем нэ смотришь? — раздался позади знакомый голос. — Нэ хочешь Вэпхвадзе забирать, так и скажи. А то я тэбя тут целый дэнь жду, домой нэ иду. Никому этот шедевр нэ продаю, голодный совсем. Двадцать человек хотели картину купить, всэм отказал, тэбе бэрэг, а ты — мимо... Будешь покупать?

— За пятьсот лари? — переспросил цену Дмитрий Петрович.

— Конечно! Потрогай, — грузин протянул ему картину, — натуральный масло, гдэ ещё такой найдёшь? Это тэбе нэ в магазине сувениров. Там всё нэнастоящее — эрзац.

— Нет, дорого, — отрывисто сказал Дмитрий Петрович.

— Почему дорого? Пятьсот лари — дорого? Совсем жадный, да? Совести нэт! Мнэ за неё пятьсот лари давали, нэ продал, тэбе берэг. А ты — дорого! Ограбить мэня хочешь! Знал бы, что такой куркул, вчера бы другому продал за тысячу лари.

— Так за пятьсот хотели эту картину купить или за тысячу? — поддел продавца Дмитрий Петрович.

— Вчера — за тысячу, сегодня — за пятьсот. Твой какая разница? — выкрутился тот. — Иди давай домой, нэ морочь мнэ уже голову. Но поверь, завтра сам прибэжишь, спать вся ночь нэ уснешь — будешь про Вэпхвадзе думать.

Утром, сидя за чашкой кофе, Дмитрий Петрович с Наденькой намечали дневной план и рассмеялись, когда у них появилось намерение после обеда посетить Сухой мост.

— За картиной второго Пиросмани пойдём? — шутила жена.

— Обязательно! — заверил муж.

Прогуляв всю первую половину дня по ботаническом саду и откушав в одном из подвальных старого Тбилиси эрбохачо, харчо, чашушули и кучмачи, супруги, взявшись за руки, неторопливо направились к рынку.

— Вай, смотри, Нино, идёт! — донёсся до счастливой парочки зычный голос грузина. — Я тэбе говорыл! Картина у нас волшебная: днём, ночью нэ отпускает.

Дмитрий Петрович широко заулыбался продавцу как старому доброму знакомому:

— Вот, гуляем по городу. Заодно решили и по рядам пройти, вдруг вчера чего не заметили, мимо проскочили.

— А что здэсь смотреть? Смотри — нэ смотри, болшэ такой красоты нигде нэ увидишь. Так толко Алексэй Вэпхвадзе мог нарисовать!

— Как — Алексэй? — удивился Дмитрий Петрович. — Вчера же Иван был.

— Разве? Ты точно помнишь? — подозрительно покосился на него грузин.

— Точно. Вы сами его Вану называли.

— Нэ может быт! Что, я Вану от Алоши нэ отлычу? А тэбе какой разница — что Иван, что Алоша? Оны в одной сэмье жили. Это отэц и сын.

— Не скажите. Возможно, этот ваш Вэпхвадзе Вану и второй Пиросмани, но тогда какой по счету Алексэй? Третий, что ли? А если третий, то и стоить он должен как третий, — деловито сбивал цену Дмитрий Петрович.

— Умный, да? — сняв кепку, задумчиво потёр затылок продавец. — Ладна, уговорыл, бэри Алошу за триста лари.

– Надо подумать, – тянул время Дмитрий Петрович.

– Думай. Толко долга нэ ходи, купыт могут.

И этот день оказался удачным. За двадцать лари Дмитрию Петровичу досталась другая картина – простенький городской пейзаж, по всей видимости, долго пылившийся где-то на чердаке или антресолях. Краска в некоторых местах осыпалась, на изображении виднелись какие-то потёки, но в целом картинка выглядела вполне сносно. Наденька же нашла одно-роугу куклу-марионетку в виде грузина-фотографа и была этому необыкновенно рада. Возвращаясь обратно, она повела бровью в сторону знакомого продавца:

– Гляди! Нас, верно, высматривает.

И действительно, владелец трёх Пиросмани напряжённо рыскал глазами по пёстрой толпе, тянувшейся вдоль торговых рядов. Заметив Дмитрия Петровича, пожилой грузин радостно замахал ему своей огромной кепкой.

– Давай, давай, иды скорей сюда! Мы с Нино уже устали тэбя ждат. Всэ глаза просмотрэли. Думали, ушел. По тэбе тут Джаванни Вэпхадзе очен скучает.

– Какой ещё Джованни? – от неожиданности даже чуть подался назад Дмитрий Петрович.

– Как какой? – нахмурился грузин и показал на давешнюю картину. – Вот этот. Ты что, чачу пил или вина много?

– Не пил я ничего, – Дмитрий Петрович поджал губы.

– Нэ пил, а Джаванни нэ узнал. Может, тэмпература?

– Может, у вас температура? – огрызнулся покупатель.

– У мэня – зачем? – недоумевал грузин.

– Да просто бред какой-то, – потёр висок Дмитрий Петрович. – Этот ваш Джованни с утра был Алёшей, а вчера так и вовсе Иваном.

– Правда? – в свою очередь удивился грузин. – Вчера Иваном бил? Точна?

– Ну да, Иваном, – подтвердил Дмитрий Петрович.

– И что тут нэ ясно? Иван, Джаванни – одна имя, – нашёлся грузин.

– Ага, то русское, то итальянское, то грузинское.

– Слюшай, что пристал, как в банэ лист? Нэ знаешь ничего, так молчи, да? Джаванни – эта внук Ваню, сын Алошы, он в Италии родился, в самом Мылане, там, где Ла-Скала. Там Паваротти пэл. Ты опэру лубышь?

– Люблю, – кивнул Дмитрий Петрович.

– А говоришь, что нэ знаешь, почему Джаванни. Вот мама и папа, который Алоша, его так называли. В честь дэда. Толка на итальянском. У тэбя внуки ест? – выспрашивал продавец.

– Нет, – сухо бросил покупатель.

– Вот когда будут, в честь дэда назови. Так всэ дэлают. Память.

– Ну ладно. А картина тогда чья?

– Всэх! – обозлился грузин. – Ты совсэм нэ понымаешь? Или издэваешься?

– Почему издеваюсь? Не понимаю, – искренне недоумевая, посмотрел на продавца Дмитрий Петрович.

– Вся сэмя Вэпхадзе – художники. Оны всэ вместэ картыны рисуют. Всу жизнь, из поколэния в поколэние.

– Сколько лет? – невозмутимо пытался уточнить Дмитрий Петрович.

– Многа, – заливался грузин. – Может, сто, а может, болше. Дэд начинает картину, сын потом далше продолжает, внуки заканчивают. Вездэ так.

– И поэтому дорого? – усмешка появилась на лице покупателя.

– Конэчно! А как ты хотел? Здэсь какой труд? Сто лэт картыну пышут, нэ раз-два ляп. Одын землю рысует, другой – лэс и поле, трэтий – нэбо и воду. Потом одын шедевр получается. Сам смотри.

– Ну уж, конечно, шедевр, – скептически усмыльнулся Дмитрий Петрович.

– А ты выдишь, какой здэсь мазок, какая тень? – обиделся грузин.

– Нет, не вижу, – сделал шаг в сторону от картины Дмитрий Петрович.

– Правэлно, не видишь! У обыкновэного художника всё просто, а у классыка ничего нэ понятно, потому и дорого. Повэсишь такую картину на гвоздь, ходишь вокруг неё всю жизнь, думаешь, что там на нэй нарысовано. И мэчтаешь всэгда. Сэгодня одна мэчта у тэбя, потому что солнце так посвэтило на краски, завтра у тэбя вторая мэчта, потому что солнца луч на

картыну лёг с другой стороны, а послезавтра трэтий мэчта, потому что солнца луч никуда нэ лёг, темно на улыще, вэтер, дожди. Согласен? — грузин внимательно следил за выражением лица покупателя.

— Ну, наверное, и так бывает, — словно нехотя соглашался Дмитрий Петрович. — Только мне авангард не нужен, я пейзажи люблю.

— Э, какой авангард, слушай. Мнэ самому авангард нэ нужен. Маяковский толка замечательный, но он — грузин, у нас родился. Тут никакой нэ авангард, тут пэйзаж и ест, как у Лэвитана. Помнишь его картыну «Кладбище на Волге»? Я в Москве в Третьяковке бил, когда в Сэсэре жили, Лэвитана увидал — любовь на всю жизнь. Вэпхвэдзе тоже Лэвитан, толко в Грузии.

— Да ну? — усомнился Дмитрий Петрович.

— Не веришь? — грузин будто взвился. — А вот посмотри, — стал тыкать пальцем в тёмно-зелёные пятна на холсте, — вот горы... Казбек.

— А почему они зелёные? Горы, если вдали, чаще синие, — стал придирается Дмитрий Петрович.

Грузин, соображая, почесал затылок:

— Какой сыние? Сыний небо, а тут лэс в горах. Ты что, лэса не видал?

— Видел. Ну, допустим, тут лес, а где тогда Казбек? Там же снег круглый год на вершине.

— Э, какой снэг? Растаял снэг, экология такой сэгодна, тэпло вэзде, парник на зэмле. Заводы там, фабрики, машины ездят, воздуха нэ стала совсэм, одын газ. Вот и на Казбэк дошел, всё отравыл. Купишь картыну? — с напором спросил грузин.

— Не знаю. Надо подумать ещё, — опять мялся Дмитрий Петрович. — Тут даже авторской подписи нет. Как определишь — Вэпхвэдзе это или нет?

— Ты какой-та тугой дум, вроде так по-русски. Очен долга думаешь, два дня уже. И что здесь определять, и так видно: настоящий Вэпхвэдзе. Нэ вэришь? Тэбя как зовут?

— Дмитрий, — представился тот.

— О, Димэтр — хорошее имя, умное, — даже обрадовался продавец. — А мэна — Арчил, или Арчи зови. А ты знаешь, откуда твой имя?

— Вроде греческое.

— Молодэц, знаешь. Димэтр — это бог в Греции, он полями и урожаями руководил. Ты сам откуда прыехал?

— Из Калининграда.

— О, Лэнинград — красывый город, чут хуже Тбилисо. Я там бил давно, в советское время. В Эрмитаж ходыл, на «Аврору» ходыл, в Летний сад ходыл, Петропавловка, Невский ходыл. Понравылся мнэ Лэнинград. Но скучно. Грузин мала, песен мала, Кура нет, Авлабара нет, вино — дрянь. Картину тэбе завэрнуть?

— Я ещё не решил, — задумчиво посмотрел на «шедевр» Дмитрий Петрович.

— Почему не решил, а? Из-за подписи, да? Ка мне уже сорок человек подходили, продать просили, пятьсот лари давали, на подпись не смотрели. Нэ продал, тэбе берег, как другу. А ты — нэ решил. За двэсти лари нэ рэшил. Бэсплатно совсэм! Бэри, пока дешево, — с новой силой настаивал Арчил.

— Я думаю, — тоже с нажимом ответил Дмитрий Петрович.

— Вах, — всплеснул руками грузин, — ты слышала, Нино, он ещё думает. Индюк тоже думал, пока в харчо не попал. Может, чачи выпьем, чтобы думал быстрее? Или в нарды сыграем?

— Нет, сегодня не могу, — отказывался Дмитрий Петрович. — Сейчас мы с женой в консерваторию идём оперу Доницетти слушать.

— Наверно, «Любовный напыток»? — продемонстрировал осведомлённость грузин.

— Точно! — даже удивился эрудиции торгаша Дмитрий Петрович.

— Какой молодэц! Завтра расскажешь, как пэли. Я потом тэбе «Сулико» спою. Сравнышь, — и, повернувшись к своей жене, Арчил добавил: — Посмотры, Нино, Димэтр на оперу идот, наш человек, настоящий грузин.

После спектакля супруги в отличном настроении неспешно возвращались в гостиницу. По дороге они бесконечно делились друг с другом впечатлениями об опере, консерваторской акустике, актёрах и певцах, об оркестре и зрителях. Только в номере вспомнили о продавце-грузине.

— К Арчилу завтра пойдём сторговать Вэпхвэдзе? — подмигнула супругу Наденька.

— Как обычно, после обеда, — кивнул тот.

– А давай с утра. С утра мы туда ещё не ходили.
– Ну, давай, – согласился Дмитрий Петрович, – позавтракаем и пойдём.

– Нет, давай совсем рано пойдём, когда ещё и торговли нет, а продавцы только-только подтягиваются к рынку и начинают раскладывать товар.

– Так это часам к восьми надо уже там быть. Встанешь?

– Встану, – уверенно ответила Наденька и хитро прищурилась. – А ты представь, какое лицо будет у нашего замечательного грузина, когда он увидит, что мы его уже ждём!

– Нет, не могу. Хотя... – вдруг рассмеялся Дмитрий Петрович.

– Вот-вот, – кивнула жена.

Арчил, впряжённый в самодельную коляску, наполненную товаром, полусонно двигался к Сухому мосту. Рядом с ним, высоко подняв подбородок, аристократично вышагивала Нино, прикрывая голову китайским зонтиком и придерживая под мышкой дамскую сумочку. Её взгляд был устремлён поверх голов идущих навстречу людей.

– Гамарджоба, Арчи! Гамарджоба, Нино! – приветствовали пару ранние торговцы.

– Гагимарджос, Гиви! Гагимарджос, Ашот! Гагимарджос, Елена! – кланялся в ответ Арчил.

– Гагимарджос, – небрежно отвечала Нино.

– Арчи, Нино, там вас уже ждут, – предупредили по дороге супружескую чету.

– Ждут? Кто, скажи? – окончательно проснулся Арчил.

– Увидишь.

– Димэтр! Надин! – широко улыбаясь, закричал на весь рынок грузин, заметив стоящих на его торговом пятачке знакомых. – Вах, какой нам подарок, Нино! Покупатели раньше продавца пришли. Эта большой честь для нас! Давно ждёшь? – заключил Дмитрия Петровича в свои объятия Арчил.

– Ещё солнце не встало, а мы уже пришли, – пошутил Дмитрий Петрович, аккуратно высвобождаясь от цепкой хватки.

– Ты слышала, Нино, какой джигит – Димэтр! Ночью в темнотэ к нам с тобой со своей Надин пашёл! Нэ напугался! Настоящий гэрой! Мцыри! Я тебе за это Бруно Вэпхвдзе за

сто лари подарю! Повэсишь дома на стэну, Арчи с Нино добрым словом помнит будешь. Мы икать станем, тэбя с Надин вспомним. Дай поцелую!

– Слушай, Арчил, – от переизбытка чувств перешёл на «ты» Дмитрий Петрович, – а почему сегодня уже Бруно? Вчера ещё Джованни был. Второй внук, да?

– Ай, молодэц, Димэтр! Умный какой! Почти чут-чут нэ угадал, – весело рассмеялся грузин. – Бруно – это правнук Вано. У Вэпхвдзе династия художников, как у вас Рурыки. От князя Игора до батьки-царя Ивана Грозного. Семьсот лэт Русью правили, так и у нас Вэпхвдзе болше ста лет рисуют. Дай Бог им таланта еще на пятьсот лэт и далше. Я тэбе тут подпись написал на картине от вэсэ Вэпхвдзе. Тэперь купишь?

– Какую подпись? – у Дмитрия Петровича отвисла челюсть от изумления.

– Ну, ты вчера говорил, подписи художника нэт. Так я подписал. Тэпэр ест, смотри, – развернул Арчил перед ошарашенным покупателем полотно. – Правда, красыво?

Внизу картины, слева направо во всю ширь красным фломастером кривыми русскими буквами было написано: «Вэбхвдзе Вано – отец, Вэбхвдзе Алёша – сын, Вэбхвдзе Джаванни – внук, Вэбхвдзе Бруно – правнук. Картина сто лет. Пейзаж. Казбек в лесу».

– Мама рódная! – ахнул Дмитрий Петрович.

Наденька, отвернувшись в сторону, кусала носовой платок, глаза её от смеха наполнились слезами, а плечи вздрагивали.

– Нравится тэпэр? – улыбался Арчил, вопросительно глядя на покупателя. – Берёшь?

– Очень нравится! С подписью просто шедевр! За такое и переплатить не жалко. Гениально! Беру! – уже отсчитывал сто пятьдесят лари Дмитрий Петрович.

– Вай, молодэц, Димэтр! Тэбе – удача, мнэ – удача. Ты замечательный покупатель! Лучший.

– А ты, Арчил, замечательный продавец! Лучший у меня, – заверил Дмитрий Петрович.

– И у меня, – подтвердила Наденька, вызвав первую улыбку на лице Нино.

Грузин протянул деньги супруге:

– Нино, царица моя, сходи к Софико, возми у неё чачу, хачапури, виноград. Скажи, Арчи

друга встрѣтил, из Лѣнинграда прилетел со своей Надин. Праздник у нас. Шашлыки у Дато купи, у него из настоящей овцы.

— Моя Надя чачу не пьѣт. Слишком крепко, — пояснил Дмитрий Петрович.

— Почему — крепко? Ничего нѣ крепкая, чуть крепче вина, совсѣм как лимонад.

— Да и времени у нас нет, — добавил покупатель.

— Почему нѣт? — нахмурился грузин. — Зачем обижаешь? Всѣго час посидим, поговорим, я тѣбе «Сулико» спою. В нарды играешь?

— Нет, — сказал Дмитрий Петрович.

— Научу, — заверил грузин.

Через два часа, выпив из пластикового стаканчика очередную порцию чачи, Арчил выпрямился, зажмурил глаза и в третий раз затынул: «Сада хар чемо, Сулико?..»

Второй куплет подхватили соседи Арчила, тоже поднявшиеся со своих мест во весь рост, а третий куплет запевал уже весь рынок. Закончилось невероятное исполнение дуэтом Арчила и Нино.

— Это тѣбе на прощание от всей Грузии, — склонил голову Арчи.

— Боже, какие голоса, какие голоса! — плакала в восторге Наденька.

— Ты должен к нам приехать, Арчи, слы-

шишь, должен. Обещаешь?! — требовал у грузина ответ совершенно обалдевший Дмитрий Петрович. — Обязательно с Нино! Мы вместе решим, где повесить твою картину. Дай слово, что приедешь.

— Приеду, дорогой, обязательна приеду. Давно хочу в Лѣнинград. И Нино пускай посмотрит на второй Тбилисо.

— В Калининград, — обнимая за плечи Арчила, поправил Дмитрий Петрович.

— Э, какой разныца, Калынинград-Лѣнинград, — с трудом ворочал языком грузин. — Главное, что у нас с тобой, Димѣтр, Грузия и Расия навсѣгда!

Тот еще крепче сжал плечи нового друга:

— У нас с тобой, Арчи, точно, Россия и Грузия — навеки!

□

Дмитрий Павлович ВОРОНИН

родился в 1961 году в городе Клайпедѣ Литовской ССР.

Сельский учитель.

Автор четырех книг прозы.

Публиковался в журналах «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Север», «Подъѣм», «Сибирь», «Дон», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Бийский вестник» и др.

Лауреат премии А. Куприна, губернаторской премии «Признание», а также премий изданий «День литературы», «Литературная Россия».

Член Союза писателей России.

